

Ш Е С Т Ы Е ТЫНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Тезисы докладов
и материалы для обсуждения**

**Рига – Москва
1992**

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ
ГУСТАВЕ ГУСТАВОВИЧЕ ШПЕТЕ

Комментарии К.М. Поливанова

Я окончил 4-й класс Московского I-го реального училища весной 1917 года, а мой старший брат Борис в этом же году закончил последний (седьмой) класс.

Осенью произошла Октябрьская революция. Наша семья жила на Пресне, в доме около Зоологического сада. В эти дни повсюду шли бои, особенно жаркие в районе Кудринской площади и Никитских ворот. Всюду были пожары, из дома нельзя было выйти, и только когда стрельба в нашем районе прекратилась, удалось увидеть, сколько было разрушений. На Поварской тротуары были покрыты битым стеклом, висели оборванные электрические провода. Где-то еще шли бои, и были слышны пушки со стороны Арбатской площади, в районе Александровского юнкерского училища, и, вероятно, еще шли бои за Кремль.

Позже, когда я посетил наше училище, занятий там никаких не было, учителей не было нигде видно, куда они подевались – не знаю. О занятиях никто ничего не знал. Немногим явившимся ученикам давали в небольших блюдцах чечевицу и почему-то очень белый хлеб, вероятно из старорежимной муки. Чечевицу дома у нас никогда не варили, и, вероятно, с голоду она казалась очень вкусной.

В помещении школы всюду висели портреты только что убитых в Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Вопрос со школьными занятиями так и не разъяснился, и я перестал ходить в училище.

Так прошла зима. Весной продолжалась полная разруха. Начались годы военного коммунизма, стали появляться какие-то временные учреждения. Об учении нечего было и думать, и я решил поступить на работу. Сперва была какая-то случайная и временная работа, а в 1919 году по идее Ленина был основан Центросоюз, который разместили в здании на Новой площади. Я поступил туда работать. Позже Центросоюз был переведен в другое здание на Маросейке, а этот дом взял Центральный Комитет партии, который там находится до сих пор. Центросоюз объединил в одном учреждении всю кооперацию.

Никаких пропусков не было, вход был свободный, и я по поручению своего Справочно-информационного отдела, бывшего на первом этаже,

бегал по всем лестницам наверх, где размещались прочие отделы: рыбный, мясной и др. На верхнем этаже было правление, в котором, в основном, были старые партийцы из Грузии под председательством грузина Лежавы.

Эту фамилию я почему-то запомнил на всю жизнь.

Осенью 1920 года мне стукнуло восемнадцать лет, и где-то на юге России еще шла гражданская война. Меня призвали в Красную армию, зачислили красноармейцем в артиллерийскую бригаду. Война подходила к концу, и только на Дальнем Востоке продолжали боевые действия с японцами и отходившей на Восток белой армией.

После демобилизации я снова устроился на работу. О школьных занятиях не могло быть и речи. Надо было помогать матери. У нас была большая семья. Отец в это время окончательно оставил нас и уехал в Сибирь. Об этом периоде трудно и сложно писать, время было очень тяжелое. Шли двадцатые годы.

У нас в доме появились студенты – товарищи брата по историко-филологическому факультету. К университету я не имел никакого отношения, но со студентами очень сблизился. Еще перед революцией профессор Челпанов, преподававший логику и психологию, основал при университете самостоятельный Психологический институт. Брат посещал лекции института, и тут впервые я услышал имя профессора Г.Г. Шпета. В нашей квартире появилось много книг философского содержания, и тогда я впервые увидел имена русских и западных философов. Из русских были книги Бердяева, Лосского, Ильина, Франка и прочих. Из более старых был Владимир Соловьев. В институте лекции о новой философии Гуссерля читал Шпет. Как мне помнится, одну из своих первых книг по философии Густав Густавович посвятил матери Марцелине Иосифовне Шпет.

Кроме брата его учениками были очень талантливый студент Максим Кенигсберг и несколько других, которых я не запомнил.

Студенты университета увлекались лингвистикой. Кроме Кенигсберга у нас в квартире бывали Александр Ромм, Алексей Буслаев, Владимир Нейштадт, Семен Богдановский. Не бывала у нас дома студентка Вера Виленкина, которую все как-то особенно уважали, и часто собирались у нее в квартире на Малой Дмитровке. Даже я был как-то у нее с моим братом. Ее считали очень способной, и она в какой-то степени выделялась среди товарищей и влияла на них. К общему горю, она в те годы тяжело заболела и рано умерла.

У всей этой молодежи были очень широкие интересы, и это объединяло всех. Увлекались наукой, литературой, музыкой. И особенно немецким романтиком Э.Т.А. Гофманом. Это были первые годы жизни новой эпохи, которая представлялась каким-то светлым и свободным

будущим. Студентами был основан Московский лингвистический кружок. В это же время из-за нехватки новых изданий, в которых была потребность, в узком кругу этой молодежи появились мечты о своем научном журнале, в котором можно было бы печататься. Так зародился студенческий рукописный журнал "Гермес".

Семья доктора Ильи Максимовича Ромма жила в нашем районе на Пятницкой улице. Мы с Борисом жили поблизости у Чугунного моста на Балчуге и потому общались с ними почти каждый день. В это время я подружился с младшим братом А. Ромма Михаилом или, как его звали, Муркой. Не будучи студентом университета, он поступил на отделение скульптуры в высшие художественно-технические мастерские – ВХУТЕМАС, в которых одно время учился на отделении живописи и Маяковский.

В это время в Москве была основана Государственная академия художественных наук, сокращенно ГАХН, президентом которой был назначен профессор Петр Семенович Коган. В ней по идее Луначарского были объединены первоначально находившиеся при Наркомпросе искусствоведческие отделы: ЛИТО, МУЗО, ИЗО и отдел, ведающий музеями. В обязанность последнего входила организация музеев в старинных усадьбах, превращенных в государственные музеи-заповедники. В первую очередь это были подмосковные Шереметевых – Кусково и Останкино, которые были сданы государству последним владельцем Павлом Сергеевичем Шереметевым без изъятия каких-либо предметов, за что Ленин выдал ему охранную грамоту на его личные вещи – фамильные портреты и большую библиотеку, не входившие в эти два музея.

Кроме того, стали музеями усадьбы Архангельское князей Юсуповых, Остафьево – князей Вяземских, Ольгово – Апраксиных, Мураново – семьи Тютчевых, Никольское–Урюпино князей Голицыных, Троице–Сергиевская лавра, усадьба Аксаковых, а позже Мамонтовых, Абрамцево. Стали собственностью государства и две частные коллекции новой западной живописи, собранные в порядке соревнования двумя купцами-миллионерами, Сергея Ивановича Щукина на Знаменке и Михаила Абрамовича Морозова на Пречистенке. В основном это были французские художники конца XIX века. Впоследствии обе эти коллекции были объединены в музей Нового Западного Искусства, который помещался в доме Морозова. Среди прочих музеев были: Музей фарфора, размещенный в особняке одного из членов семьи Морозовых в Подсосенском переулке, и Музей игрушки на углу Хрущевского переулкa на Пречистенке, собранный в свое время художником Н.Д. Бартрамом.

Самым крупным музейным собранием была Третьяковская галерея, еще до революции подаренная владельцем городу Москве.

В самой Москве в отдельных частных особняках были размещены по-

стоянные представительства всех национальных республик, входивших в Советский Союз, а также иностранные посольства.

В 1922 году, 13 октября, в нашей семье произошло ужасное несчастье. Одна из моих сестер, 16-летняя Леля, должна была поехать куда-то на трамвае – в эти годы трамваи ходили с интервалами в 2-3 часа. На остановке собирались большие толпы ожидающих. Сестра не могла попасть на трамвай и решилась на такой поступок: она прыгнула на ходу на переднюю площадку подходившего к остановке трамвая. Мужчина, стоявший около вагонновожатого, столкнул ее со словами: "Куда лезешь". Толпа народа, бравшая трамвай штурмом, не обратила на это внимания, никто не помог ей встать. Она упала у самых рельсов, и одна нога попала под колесо подходившего трамвая.

В эти годы полной разрухи не было ни скорой помощи, ни врачей. Милиционер остановил проезжавший пустой грузовик, ее положили в кузов, но кровь хлестала из ноги. Шофер погнал машину на Ходынское поле в Солдатенковскую больницу (ныне Боткинскую), но по дороге она скончалась от потери крови. Это несчастье произвело ужасное впечатление на нашу семью, особенно на маму. Она не могла перенести горя и умерла через полтора года.

Впервые Г.Г. Шпета я увидел у брата Бориса, который был его учеником по философскому институту. Несколько раз Шпет бывал у нас в квартире, доброжелательно и с интересом относился к нашему рукописному журналу "Гермес" и даже немного участвовал в нем.

Позже, после трех номеров "Гермеса", был еще журнал под названием "Гиперборей", которого вышел только один номер. Я был секретарем обоих журналов. Мое участие заключалось в сборе материалов, в переписке на машинке всех номеров журнала и в оформлении их графически. Я напечатал там цикл стихотворений, посвященных памяти Гумилева, и был переплетчиком всех номеров.

Журнала "Гермес" вышло три законченных номера, каждый в трех экземплярах на правах рукописи. Четвертый, кажется, не был закончен и остался в архиве моего брата Бориса. Первые два номера были проданы: первый комплект – какому-то коллекционеру-нэпману, второй – профессору В.М. Жирмунскому, третий остался у брата. Эта продажа понадобилась для покрытия редакционных расходов. С ликвидацией НЭПа всякие частные издания были запрещены.

Поскольку я вращался в этой ученой студенческой среде, я близко познакомился и с Г.Г. Шпетом. Среди сотрудников журнала "Гермес" был один из лучших учеников Шпета Максим Максимович Кенигсберг – очень талантливый и умный философ, который женился на общей знакомой всей нашей компании Нине Владимировне Волькенау. Но эта женитьба продолжалась недолго. Как-то они не подошли друг другу и

вскоре развелись, хотя продолжали встречаться на нейтральной почве.

У Нины Владимировны не было своей площади в Москве, она по рождению была ленинградка, и ей нужно было найти какое-то жилье. Комнату отыскиали в районе Остоженки, в Коробейниковом переулке. Там какая-то старушка сдала ей комнату в одноэтажном деревянном домике. Я ездил на Тихвинскую улицу к Максиму за ее вещами. Решено было устроить небольшое новоселье. Было несколько "гермесовцев", в том числе Шпет, который уже был знаком с Ниной Волькенау и симпатизировал ей. Была теплая, весенняя ночь, и мы просидели до рассвета. Пили какое-то сухое вино, все были настроены лирически и не очень весело. Было очень приятно, когда Шпет под действием общего поэтического настроения начал читать наизусть стихи Боратынского. Особенно мне запомнилось стихотворение "На что вы, дни! . . ."

Сколько молодости было в этом человеке, хотя он был старше нас на целое поколение.

Разошлись, когда было уже совсем светло.

Нина Волькенау участвовала в одном из номеров "Гермеса". Однажды, 24 июня 1924 года, когда летом многие участники журнала уехали из Москвы, у нас в комнате для разбора рукописей, поступивших в последний номер "Гермеса", собрались я, Нина Волькенау и позже пришел Максим Кенигсберг. Он в это летнее утро чувствовал себя хорошо, хотя у него было очень большое сердце. Утром он совершил прогулку по Москве.

Прийдя к нам часов в пять, он принял участие в нашей работе. Вдруг вскрикнув и, побледнев как полотно, откинулся на спинку кресла. Я растерялся и не знал что делать, хотел броситься за стаканом воды, но было уже поздно. Он умер скоропостижно от разрыва сердца.

Я позвонил по телефону об этом несчастье Шпету, он оказался дома и приехал очень скоро. Приехал мой брат Борис и кто-то еще из "гермесовцев". Вызвали районного судебного врача, он как-то не сразу решился написать справку, но Шпет резко и твердо сказал ему: "Тут все ясно, можете ни в чем не сомневаться. Это мой ученик, а я его профессор". Это подействовало на врача, и справка была получена.

Поблизости от нас, на Пресне, была фотография, и фотограф снял Максима в гробу. Максим был единственным сыном у своей матери, отца не было. Кто-то известил его мать Елену Григорьевну. Она быстро приехала, и это была очень тяжелая сцена. Похоронили его на Миусском кладбище.

Мы с Борисом еще с 1922 года жили в квартире отца на Балчуге, куда он нас прописал, боясь уплотнения. Впрочем, из пяти комнат его квартиры, три все равно были заселены. После смерти мамы на пресненской квартире, где было пережито после революции столько несчастий,

оставаться стало невыносимо. Я бросил наши комнаты и перевез троих младших в свою комнату на Балчуг. Борис к тому времени женился и жил отдельно в соседней комнате.

В начале 1925 года я поступил на работу в ГАХН техническим секретарем сперва в комитет по организации выставки революционного искусства современного Запада. Были разосланы письма об организации этой выставки во все основные европейские посольства, находящиеся в Москве. Английские письма от нашего комитета писал Иван Александрович Кашкин, французские – мой брат Борис, с детства знавший этот язык, немецкие – Дмитрий Сергеевич Усов, испанские – Сергей Сергеевич Игнатог.

В течение года начали поступать посылки с рисунками, гравюрами, акварелями и книгами левого и революционного содержания. В мои обязанности входило принимать и хранить эти материалы до открытия выставки. Вице-президентом и распределителем финансов ГАХН был Г.Г. Шпет. Работая в одном учреждении, я уже постоянно с ним встречался.

В это время, благодаря прежним дореволюционным связям, Шпет и бывший владелец издательства "Скорпион" Сергей Александрович Поляков посещали бывшего москвича, а теперь постоянного представителя Литовской республики, поэта Юргиса Казимировича Балтрушайтиса. Поляков в своем издательстве в начале 10-х годов напечатал две его книги стихов – "Земные ступени" и "Горная тропа". Теперь, в годы НЭПа, жизнь уже наладилась, а Поляков, лишенный и своих капиталов и издательства, был в полунищем состоянии. Юргис Казимирович поддерживал его, помня старые связи.

Литовское представительство помещалось на Поварской улице в особняке Саарбекова, женатого на одной из Лианозовых. В прощлые времена этим богатым армянам принадлежали рыбные промыслы на Каспийском море.

С 1928 года я начал писать стихи, может быть, под влиянием Гумилева, которым я уже очень увлекался. Эти мои ранние стихи почему-то нравились Шпету. Встречаясь на работе, он несколько раз говорил, что ему хотелось бы напечатать небольшой сборник моих стихов на свои деньги и надеялся, что Балтрушайтис поддержит его хотя бы материально. Но жизнь была очень сложна, и он не успел этого сделать, а в 1929 году, при Сталине, НЭП был ликвидирован и частные издания запрещены.

1.X.28 года Шпет вызвал меня в свой кабинет и, зная, как я в эти годы увлекался Гумилевым, сказал мне, что ему удалось получить от С.А. Полякова попавшуюся в архиве "Весов" рукопись в свое время напечатанной в этом журнале новеллы Гумилева "Скрипка Страдивариу-

са“, и подарил мне автограф.

В последние годы существования нашей Академии кто-то решил повесить во дворе волейбольную сетку. Эта идея имела успех, и в обеденный перерыв группа наших сотрудников принимала участие в игре. Разделились на две группы. В одной был Шпет, очень увлекавшийся этой игрой, С.С. Топпенинов – высокий молодой человек спортивного типа – и я. Я был ниже сетки и часто пропускал мяч на нашу половину, за что мне не раз доставалось от Шпета.

Нашими противниками на второй половине прощадки были: высокий Б.В. Шапошников – зав. административно-хозяйственной частью Академии², главный бухгалтер Н.Н. Коршунов и кто-то еще.

22.VIII.1925 года к нам на Балчуг пришли Шпет и Михаил Александрович Петровский поговорить о сборнике памяти их ученика по университету Максима Кенигсберга.

8.II.1926 года, просматривая подготовленный нами к печати на машинке журнал “Гиперборей” № 1³, Шпет не очень высоко оценил материал художественного отдела и только особо отметил два моих стихотворения, которые ему очень понравились. Спросил у моего брата Бориса, пишу ли я сейчас, и, узнав, что нет, сказал, что это преступление и что он сам хочет поговорить со мной.

5.IV.1927. На днях я передал Шпету немного моих стихов, переписанных для него. Он сказал, что многие мои стихи ему нравятся, и добавил, что ему хотелось бы издать их отдельной книжкой за свой счет. Позже он сказал, что попытался предложить их в “Новый мир“, но редактор Полонский отказался принять их в журнал, хотя сказал, что стихи ему понравились.

В эти годы он иногда переводил античных авторов. Так он решил дать свой перевод известного двустишия Платона:

В звезды глядишь моя звездочка, стать я
хотел бы всем небом,

Всеми глазами его, только б глядеть на тебя.

Кроме того, мне известен следующий его перевод из Алкея:

Когда Латоно светлого отрока
Дала Зевесу, лирою звонкою
Снабдил отец родного сына,
Лентою отроку он златою

Чело украсил. В путь снарядил его
И в колесницу Лебедя дал ему, –
Шлет в Дельфы к водам касталийским
Эллинам праведный суд и право . . .

То весть от бога, воли верховный знак,
Течет Касталья током серебряным;
Как Энипей, волной в волненье
Страстном, вздымается кефис ярый.⁴

С весны 1929 года по всем учреждениям начались чистки сотрудников. Для этого в каждое учреждение присылались группы партийцев. У нас чистку проводили четверо⁵. Рабочего, возглавлявшего эту группу, звали Федор Георгиевич Шмыгов. Он держался скромно и производил хорошее впечатление. Второй был бывший военный по фамилии Валуйский, он еще не снял формы и ходил почему-то со стэкком по пяткам за Шмыговым и за несколько дней чистки не проронил ни одного слова. Третий был необыкновенно активный, звали его Александр Александрович Заурих. Он больше всех усердствовал, появляясь на эстраде. Был еще один – Охитович. Это был еврей маленького роста, неопределенного возраста, уже совсем лысый. Он ходил по нашему учреждению усталой походкой, не поднимая ног, и длинные его руки висели ниже колен. Если человек произошел от обезьяны, то Охитович был ярким этому доказательством. Он отличался тем, что по книгам "Вся Москва" или "Весь Петербург" выискивал фамилии бывших домовладельцев или помещиков с целью доноса.⁶

В издательстве ГАХНа был сотрудник, имевший дело с типографией Михаил Семенович Базыкин. Он честно исполнял свои обязанности. Кроме того, он по своей инициативе еще до основания Государственного музея Красной Армии начал собирать материал по истории советских вооруженных сил и как бы положил начало музею. Он был не очень интеллигентный, и кто-то из комиссии выяснил, что его отец имел какую-то торговлю. Комиссия по чистке поставила это ему в вину, и его уволили. В скором времени мы узнали следующее: Базыкин не перенес этой обиды, записался в экскурсию, проводимуюся на крыше Храма Христа Спасителя и уловив минуту перешагивая через ограду и бросился вниз на гранитные плиты, окружавшие храм.

Во время чисток большой актовый зал бывшей Поливановской гимназии был заполнен научными сотрудниками Академии. Когда 3 июля 1929 года "чистили" Шпета, его обвиняли не помню в чем⁷. Он стоял на эстраде и очень выгодно отличался от "чистильщиков". Вертлявый Заурих метался по сцене, очень развязный и наглый. Маленький Охитович был Шпету по пояс. Мне пришло в голову сравнение слона и мышки из Крылова. В отличие от Зауриха, Охитович был медлительный и мрачный, и когда взглядывал на Шпета, его лоб покрывался сплошными морщинами, как у мартышек со старческими мордами.

За год до чистки по рекомендации Шпета в Академию секретарем одной из секций была принята Анна Андреевна Трубникова – дальняя

родственница жены Шпета и Сергея Рахманинова. Кажется, Охитович раскопал это и обвинял Шпета в семейственности. Тому пришлось объяснять эти родственные связи.

Когда вызвали к эстраде меня, Охитович не принимал участия в чистке, а меня "чистил" Заурих. Помимо моей основной работы в ГАХНе, мне поручили архив и издания Академии, которые полагалось раздавать научным сотрудникам бесплатно. У меня был большой шкаф, запиравшийся на ключ, где были книги и научный архив. Я не обучался архивному делу и протоколы научных заседаний, которые мне приносили, прикалывал к скоросшивателям. Заурих обвинил меня в неправильном хранении научных документов.

В общем чистка производила удручающее и отвратительное впечатление. Вскоре, в 1930 году Академию ликвидировали и функции ее передали Комакадемии, где сотрудниками были только ученые-марксисты.

После ликвидации ГАХНа мне пришлось искать какую-нибудь работы. Через биржу труда мне предложили место в Институте цветных металлов. Это было в старом помещении Горной академии на Большой Калужской улице. Шпет же первое время занялся переводами. Он сделал перевод "Записок Пиквикского клуба" для первых томов собрания сочинений Диккенса.

Однажды я шел через Страстную площадь, как всегда, очень быстро. Вдруг кто-то ухватил меня за рукав. Я быстро обернулся и увидел перед собой Шпета. Может быть, он был у Трубниковых и заметил меня. Оказывается, он пытался меня догнать и даже окликнул, но за шумом улицы я не расслышал. Ему удалось только зацепить меня за рукав загнутым концом трости. Он спросил, где я сейчас работаю, и очень удивился, и даже засмеялся, узнав об Институте цветных металлов.

15.IV.1932 г. Поэтесса Софья Яковлевна Парнок говорила мне, что за последнее время у нее был несколько раз Г.Г. Шпет. Он очень ей нравится. Густав Густавович перевел ей арию Алмаст на английский язык. Эту ее пьесу положил на музыку композитор Спендиаров⁸.

1 декабря 1932 года я был на концерте Фейнберга в Большом зале консерватории. Встретил там Г.Г. Шпета с его женой Натальей Константиновой.

В те годы в Москве было задумано издать Большой немецко-русский словарь. Шпета зачислили в сотрудники этого издания. В 1935 году, когда в Германии уже был фашизм, Сталин подозревал возможность шпионажа, и вся редакция словаря была арестована⁹. Кроме Шпета там были специалисты по немецкому языку М.А. Петровский, Д.С. Усов, А.Г. Габричевский, А.Ф. Несслер (мой школьный учитель) и др. Освободиться из-под ареста удалось только Габричевскому, за которого

хлопотал какой-то влиятельный коммунист. Остальные были высланы из Москвы.

Шпет вначале находился в г. Енисейске, куда к нему даже ездила старшая дочь Ленора. Позже он был переведен в ссылку в Томск. Трудно представить, сколько он перенес в чудовищных условиях ссылки тех времен, где люди голодали, мерзли и подвергались унижениям со стороны начальства и охраны. В конце концов он был расстрелян. Это был человек огромного ума и большой культуры и, главное, близкий мне человек, с которым я в мои ранние годы был дружен и которого глубоко уважал. Поэтому я уже давно собирался продиктовать свои воспоминания о нем.

В последнее время стал возникать интерес к Шпету. В "Литературной газете" напечатана большая статья о нем¹⁰.

1990. Москва.

Примечания

1. В мемуарных заметках Б.В. Горнунга датой смерти М.М. Кенигсберга указано 30 июня 1924 г. (ТМ-90. С.188).

2. Борис Валентинович Шапошников (1890–1956) – художник, искусствовед. О нем см.: *Шапошникова Н.* Булгаков и пречистенцы. Б.В. Шапошников // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 2. Выше Л.В. Горнунг упоминает художника Серг. Серг. Топленнова (также входившего в дружеский круг М.А. Булгакова).

3. Машинописный журнал "Гиперборей" состоял из трех разделов. В первый были включены стихи и проза А. Ромма, стихи Л. Горнунга, В. Нейштадта, Ф. Николаева и проза Б. Горнунга. Во втором разделе – статьи Г. Шпета (первая редакция его статьи "Литература", напечатанной в 1982 г. в XV вып. "Трудов по знаковым системам"), А. Ромма, Б. Грифцова, Н. Волкова, В. Гливенко и рецензия А. Ромма на сборник стихов Б. Горнунга. В третьем разделе – "Три встречи с Верленом" (из книги Рене Гиля "Des dates et les oeuvres") в переводе А. Ромма.

4. Оба эти перевода включены в 3-й № "Гермеса" (ТМ-90. С. 194).

5. Чистке и последующему разгрому ГАХН предшествовала погромная кампания в прессе. Специальные полосы были посвящены этому 20 февраля и 1 марта 1929 г. "Комсомольской правдой", за которой последовал журнал "На литературном посту". В его редакционной статье "Правая опасность в области искусства" среди прочего говорилось: "... Едва ли не первую скрипку в ГАХН играет гражданин Шпет, довольно известный идеалист, который, надо отдать ему справедливость, в отличие от очень многих других, никогда не пытался хоть чем-нибудь прикрыть свою реакционную сущность" (На литературном посту. 1929. № 4-5. С. 5). В следующем номере (№ 6. С. 90) была помещена с заглавием "О ГАХН'е, Когане и Шпете" карикатура Кукрыниксов со стихотворной надписью:

Сей картиной я расстроган.
Гахну слава и привет!
Припечатывает Коган
То, что пишет мудрый Шпет.

Пусть в писаньях нет марксизма –
Шпету Маркс не по нутру! –
Аллилуйя и кафизма
Покровителю Петру.

Но болит душа у Шпета,
Чует он – увы и ах! –
Песня Шпета будет спета,
Если станут чистить ГАХН.

(Петр Семенович Коган был президентом ГАХН).

6. Ожигович Сергей Александрович – с 1925г. аспирант литературной секции ГАХН, в 1929г. коммунистической фракцией ГАХН рекомендован в аспирантуру Всесоюзной академии наук; в рекомендации отмечались его "активная работа в местком" и "активное участие в реорганизации ГАХН" (ЦГАЛИ, ф.941, оп.10, ед.хр. 455).

7. В "выписке из протокола № 386 заседания Президиума ГАХН от 19 октября 1929 г." говорится: "... он <Шпет> концентрирует вокруг себя не только идеалистов и формалистов, но и реакционеров, а в отдельных случаях и контрреволюционеров типа Лосева, Шапошникова, Никольского, Морица ... Полностью осуществил намеченную цель -- создание в ГАХН крепкой цитадели идеализма. Постановили: запретить работать на должностях, связанных с идеологическим руководством. Считать возможным использование знаний Шпета в области иностранных языков по работе в качестве преподавателя или переводчика при обеспеченном идеологическом руководстве". Цит. по: Н.Б. Москва и москвичи вокруг Булгакова // Новый журнал. 1987. № 166. С. 128, 129.

8. Речь идет о либретто оперы "Алмаст" (по мотивам армянской литературы), написанном С. Парнок в 1917–1918 гг. Спектакль был поставлен в филиале Большого театра в 1930 г. См. статью С. Поляковой в кн. (где впервые напечатано это сочинение поэтессы): Парнок С. Собр. стихотворений. Анн Арбор: "Ардис", 1979. С.22, 31.

9. "В марте 1935 г. Шпет был арестован. Сперва его пытались присоединить к известному "делу словарников", но связи его со словарниками оказались настолько не существующими, что НКВД был вынужден отделить Шпета вместе с сотрудниками бывшей ГАХН А.Г. Габричевским, М.А. Петровским и Б.И. Ярхо в отдельную "антисоветскую группу", которую, согласно материалам следствия, Шпет возглавлял <...>" (Поливанов М.К. О судьбе Г.Г. Шпета // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 162).

10. Статья К.А. Свасьяна "Густав Густавович Шпет" (Литературная газета // 1990. 14 февраля).

Воспоминания Льва Владимировича Горнунга продолжают тему, которой посвящены публикации М. Чудаковой, Г. Левинтона и А. Устинова в "Пярых тыняновских чтениах" под общим заголовком "Московская литературно-филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал "Гермес". Как серии замечательных фотографий Л.В. Горнунга сохранили живой облик А. Ахматовой и Б. Пастернака, семьи Тарковских, поэтов А. Звенигородского, А. Кочеткова и Ю. Верховского, так в его воспоминаниях фигура Г.Г. Шпета предстает среди дружеского круга участников "Гермеса" и в ГАХН в сценах, которые легко представить себе зрительно, – с такой детальной точностью они описаны.

Мемуарные свидетельства о Шпете достаточно скудны¹, и здесь будет уместно привести фрагмент из посвященной ГАХН главы неопубликованных воспоминаний одного из авторов "Гермеса" прозаика В.И. Мозалевского:

"Вице-президентом был Густав Густавович Шпет, человек незаурядный, деятельный, шумный, сохранивший и к зрелым годам задорство буршей из гофманских рассказов, буршей, презирающих мещан-филистеров. Я знал Густава Густавовича еще будучи студентом Университета (он был тогда приват-доцентом по кафедре философии). Знал и позже. Но мои воспоминания бледны, и я верю, что кто-то другой, знавший Г.Г. лучше и полнее, напишет и биографию, и воспоминания об этом человеке, об его философских опытах, об его заблуждениях, если они в нем были"².

В формировании литературно-филологических воззрений участников "Гермеса" влияние Шпета играло определяющую роль. Их представления о необходимости появления нового классицизма и выраженная антифутуристическая позиция прямо проистекали из взглядов Шпета на литературную эволюцию: "Футуризм "творит" по теории – прошлоу у него нет, – беременность футуристов – ложная. Классики проходили школу, преодолевали ее, становились романтиками. Романтики через школу становились реалистами, реалисты – символистами; символисты могут стать через школу новыми классиками. Футуристы, не одолевшие школы, не одолеют и искусства, будут в нем не хозяевами, а приказчиками, хотя бы и государственными"³. Последние слова позволяют нам также предположить, что в основе неприятия футуризма у единомышленников Шпета из круга "Гермеса" лежали не только эстетические взгляды, но и реакция на стремление футуристов стать выразителями и распорядителями государственной политики в искусстве.

В архиве Шпета сохранилось письмо редколлегии "Гермеса", характеризующее и направление журнала, и отношение авторов к адресату:

" 29.XII.23

Многоуважаемый Густав Густавович!

Редакция "Гермеса" обращается к Вам с очень большой просьбой, или, точнее, с возобновлением большой просьбы, – дать нам для IV номера нашего *небольшую*, и в каком Вам

угодно плане и связи, заметку о Тютчеве. Позволяем себе напомнить Вам, что Вам представлялось возможным написать нечто о "Молчи, скрывайся и тай". Конечно, во всем, что касается темы и размеров, Вам предоставляется полнейшая свобода, но нам хочется почти настаивать на получении чего-нибудь о Тютчеве от Вас. Эта заметка для нас очень близкая и очень важная, и взоры наши естественно обращаются к Вам, ободренные Вашим одобрительным к нам отношением. Заметка эта нужна нам к 15 февраля, т.е. через целых полтора месяца. Конечно, мы с большой радостью примем статью Вашу на любую близкую нам тему, но указанная выше была бы нам сейчас чрезвычайно нужна. Будьте любезны сообщить Ваш ответ (надеемся, что положительный), по возможности немедленно. За ответной запиской к Вам зайдет кто-нибудь из нас не позже среды-четверга, 3-го января 1924 г., так как к следующему заседанию редакции, 4 января нам было бы желательно разъяснить этот вопрос.

Надеясь на Ваш положительный ответ, остаемся,

Искренно преданные Вам

Кенигсберг

Бор. Горнунг

Л. Горнунг

Н. Кенигсберг <Волькенау>

А. Буслаев⁶."

Литературно-филологический круг – участников "Гермеса", рукописных альманахов "Мнемозина" (1924), "Гиперборей" (1926) и литературных кружков "Кифара" и других, который описывает Лев Владимирович в своих воспоминаниях (помимо публикуемых здесь, еще в воспоминаниях о Б. Пастернаке⁵ и о С. Парнок⁶) и истории которого посвящены названные публикации М. Чудаковой, Г. Левинтона и А. Устинова, не только чрезвычайно интересен сам по себе. Его рассмотрение позволяет совершенно по-новому представить историко-литературный контекст творчества многих русских писателей в 20 – 50-е годы.

Традиционно рассматриваемые как одиночки или "белые вороны" в истории советского периода русской литературы, такие писатели, как А. Белый, Б. Пастернак, М. Волошин, О. Мандельштам⁷, М. Кузмин, М. Булгаков⁸, и ряд других были не только вовлечены в деятельность "Кифары", "Зеленой лампы", кружка П.Н. Зайцева, читая там свои стихи, прозу и мемуары, отзываясь о литературном творчестве других участников, но и в их собственном творчестве можно усмотреть существенные тенденции, объяснение которым мы найдем именно рассматривая их в контексте литературной жизни обозначенного круга литераторов⁹.

Так, одной из отличительных черт данного круга был определенный дилетантизм, постепенно превращавшийся в литературную позицию. Профессионализация потребовала бы от них принятия жестких рамок формирующегося советского литературного трафарета, отказа от творческой свободы. Оставаясь "дилетантами"¹⁰, авторами, писавшими исключительно для себя и узкого круга близких друзей и единомышленников, они естественно не могли претендовать на публикации в советской печати. Это "писание не для печати" неизбежно накладывало отпечаток и на литературную продукцию. Подобным обра-

зом роман Пастернака "Доктор Живаго" можно, в известной степени, рассматривать как дилетантскую прозу профессионального переводчика Шекспира, Гете и Петефи. Также и целый ряд особенностей "Поэмы без героя", которые теперь воспринимаются как важнейшие черты поэтики Ахматовой, рождались именно в результате того, что поэма многие годы не могла быть напечатана, – это и открытость, незамкнутость текста, в результате чего практически невозможно представить в издании поэмы линейно организованный "основной текст"; и обилие намеков, подтекстов и ассоциаций, понятных лишь ближайшему окружению Ахматовой (а ныне искусственным ахматоведам), которые на протяжении многих лет были единственными слушателями и читателями "Поэмы без героя".

1. Биограф Г. Шпета отмечает, что лишь двое современников – А. Белый и Ф. Степун, писали о нем в своих мемуарах. (М.К. Поливанов. О судьбе Г.Г. Шпета // Вопросы филологии. 1990. № 6. С. 164). Недавно опубликованы воспоминания художника В.А. Милашевского "Моя работа в издательстве "Academia", содержащие отзывы о встречах с Шпетом (В кн.: In Honour of professor Victor Levin. Russian Philology and History. Jerusalem, 1992).

2. ЦГАЛИ, ф. 2151, т.1, ед.12, л.64.

3. Эстетические фрагменты. – В кн.: Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 362.

4. ОР РГБ, ф.718, к.24, ед. 35, л.1. Неизвестно, каким был ответ Шпета и была ли им написана заметка о Тютчеве.

5. Литературное обозрение. 1990. № 5.

6. Частично опубликованы : Наше наследие, 1989. № 2.

7. Напомню, что наряду с авторами "Гермеса" Б. Горнунгом, М. Кенигсбергом, В. Нейштадтом, А. Роммом, А. Буслаевым и самим Г. Шпетом членами МЛК были и Б. Пастернак и О. Мандельштам. – См. *Тоддес Е.А., Чудакова М.О.* Первый русский перевод "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка. // Федоровские чтения. 1978. М., 1982. С. 249; ср. также составленные А. Буслаевым и Б. Горнунгом "Материалы по истории МЛК" – ЦГАЛИ, ф. 2887, оп. 1, ед. 186.

8. Именно его связи с кружком "Зеленая лампа" послужили причиной к первому историко-литературному рассмотрению этого круга в книге М. Чудаковой "Жизнеописание Михаила Булгакова".

9. Непосредственными участниками рукописных журнала и альманхов и названных кружков не были А. Кочетков, А. Тарковский, А. Звенигородский, В. Меркурьева, С. Шервинский, однако их объединяют с ними многолетние дружеские связи и общность литературной судьбы.

10. Возможно, что и особые симпатии этого круга к таким поэтам, как Ф. Тютчев и И. Анненский, связаны с тем, что литература для них не была профессией, источником средств к существованию.

К. Поливанов